

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА (1960–1988)

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ: РОК ПО-РУССКИ

Ныне рок прописался в концертах с той же основательностью, что и «попса». Со всеми отсюда вытекающими. А было время, когда взлохмаченные люди с гитарами воспринимались как вызов не только эстраде, но и всей привечаемой властью культуре.

Когда было? Как раз в ту пору, когда Александр Башлачев вышел из стен факультета журналистики Уральского государственного университета, где он учился с 1978 по 1983 год. С дипломом УрГУ (темой выпускного сочинения была «Музыкальная критика на страницах западно-германской газеты “Унзере цайт”») он вернулся в родной Череповец, где был принят сотрудником местной районки под выразительным названием «Коммунист», но спустя год службе газетчика предпочел жизнь бродячего пилигрима. Тот, кого в студенческом общезнании звали Башлак, стал СашБашем, чья расстроенная гитара зазвучала по квартирам и подвалам в столицах да и в провинции. Как сам он выразится в одном интервью: «Так парнишка за рыбным обозом и пришел записываться добровольцем в легион маршала Примитивных аккордов».

Он пел всего несколько лет. И написал, казалось бы, немного — несколько десятков песен. Но этого хватило, чтобы остаться еще одной российской легендой.

Рок-поэзия, как и вообще песенная поэзия, более коммуникативна и контактна, нежели поэзия, так сказать, литературная. Однако башлачевские строки трудны для восприятия. И не только из-за усложненной образности и последовательной мифологизации — трудность тут еще и психологическая. Песенный пульс здесь бьется с таким напрягом, что истовость этого накала кажется запредельной. Это и впрямь — на разрыв аорты: не написано, не сочинено, а выношено, прожито.

У меня есть все, что душе угодно,
Но это только то, что угодно душе.

Знакомая раз сказала ему: «Саня, я тут слушала твою кассету, и мне стало страшно». И услышала в ответ: «Тебе стало страшно, когда ты услышала. А каково мне? У меня же это все время в голове!». Рок оказался для него именно роком — судьбой.

Он не просто пел свои стихи — он ими шаманил. И здесь было крайне значимо единство стиха, гитарного звука и сердечного стука. От рок-н-ролла тут — разве что невероятная энергетика. Бешеная витальность. А в остальном Башлачев, конечно же, поэт. И потому его резоннее сопоставлять не с Гребенщиковым или Цоем, а с Хлебниковым, Есениным, Цветаевой. Его подчиняет себе магия слова. Не случайно его признание: «Я мыслю (если это можно так назвать) на уровне морфологии: корней, суффиксов, приставок».

Уникален он в отечественном роке еще и потому, что штучен. Ведь рок — это *мы*. Мы (группа) — на сцене и мы (свои) — в зале. А Башлачев — в отличие от таких, как Ю. Шевчук, М. Науменко, А. Макаревич, — не нуждался в инструментальной или голосовой поддержке. Его и без других было в избытке. Не количественно, а именно энергетично. Здесь и впрямь «горлом идет любовь».

Он искренне верил: «Когда мы поем — поднимается ветер». Как нуждается застойность нынешнего нашего социума в подобном проветривании!

Башлачева не стало двадцать лет назад (к этой скорбной дате и приурочена подборка следующих далее материалов). Ему и сегодня не было бы еще и пятидесяти. Впрочем, его невозможно представить в одной концертной «упаковке» с Розенбаумом или «Любэ». Как ни горько, ушел он рано, но вовремя. Оставшись там — во *времени колокольчиков*. Их звук, впрочем, мы еще можем слышать.

В чистом поле дожди косые.
Да не нужно мне ни щита, ни копыя.
Я увидел тебя, Россия.
А теперь посмотри, где я.

Л. П. Быков, доктор филологических наук